

ПАРАЛЛЕЛИ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЙ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА НА ПРИМЕРЕ СОСЛОВИЙ *ПШИКЕУ* И *АШНАКУМА*

Кожев Заурбек Анзорович, кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), zaurbek_k@mail.ru

Социальный строй и особенности сословной структуры государственно-политических образований Западного Кавказа позволяет классифицировать их как феодальные общества, находившиеся на различном уровне развития. Недостаток актового материала не позволяет уверенно реконструировать динамику развития основных политических институтов, сословного строя даже наиболее крупных и стабильных политий Западного Кавказа, к которым относятся Кабарда и Абхазское владетельное княжество. Более поздние актовые материалы XIX в. и данные письменных источников не репрезентативны для периода Позднего Средневековья и раннего Нового времени (XVI–XVII вв.) т.к. относятся к эпохе масштабного общественно-политического кризиса и существенной трансформации традиционной политической системы и сословного строя черкесского феодального общества, вызванных Кавказской войной и колониальной политикой имперского правительства в регионе. Исключением является Абхазское владетельное княжество, которое вплоть до его ликвидации, сохраняло все особенности традиционной политической системы и сословного строя под покровительством Российской империи. Параллели в социальной структуре таких типологически сходных, этнокультурно близких политий как Кабарда и Абхазское владетельное княжество, позволяют, используя метод сравнительного анализа и абхазские данные XIX в., рассмотреть некоторые особенности реализации традиционных общественно-политических функций сословия *пшикеу/ашнакума*.

Ключевые слова: политический строй, Кабарда, привилегированные сословия, Абхазия, *пшикеу*, *ашнакума*.

Исследование традиционной сословной структуры черкесского феодального общества началось с первых шагов отечественной историографии. Многоступенчатая, иерархически организованная социальная структура Княжеской Черкесии, достигшая своего полного, если не сказать гипертрофированного развития в Кабарде, привлекала внимание иностранных и русских авторов уже в XVIII – нач. XIX вв. Однако незнание ими оригинальной социальной титулатуры и, как правило, поверхностный, описательный характер кратких свидетельств русских и европейских авторов, отражавших реалии традиционного сословного строя феодальной Черкесии, ограничивают информативный потенциал письменных источников подобного рода [АБКНКА 1974: 161–162, 199–201, 210–212, 216–218, 280–281; КРО. Т. 2. 1957: 359–364]. Первые черкесские историографы в своих работах также посвятили этому вопросу соответствующие разделы. И Султан Хан-Гирей в «Записках о Черкесии», и Ш.Б. Ногмов в «Истории адыгейского народа», касаясь сословной структуры княжеских владений Черкесии, впервые упоминают термин *пшикеу* (*пшыкIэу*, *пшычо*) [Султан Хан-Гирей 2009: 103–104; Ногмов 1994: 125]. Однако интерпретации сословного статуса и социальных функций этой страты населения у авторов существенно различаются. В главе «Разделение народного

состояния на классы» Хан-Гирей причисляет их к дворянам-уоркам (*уэркъ*) и характеризует следующим образом:

«Второстепенные [дворяне] или *пщъчу*. Самое учреждение этого разряда дворян «княжеская ограда» дает нам понять его начало: князья видя силу первостепенных дворян, покорствовавших им тогда только, когда собственные их выгоды того требовали, водворили у себя дворян второго разряда, *дабы тем, заменяя услуги первых, оградить себя силою нового класса* (курсив наш – К.З.). Вероятно, этому способствовало отчасти и желание князей отличить щедрыми наградами усердных слуг, которые получив преимущество от князей на условленных правах, хотя уступающих правам первостатейных дворян, но довольно значительных, составили третий класс в Черкесии» (после князей/*пши* и первостепенных дворян/*тлекотлеи* и *дижинуго* – К.З.) [Хан-Гирей 1978: 120]. Обращает на себя внимание характерное противопоставление Хан-Гиреем *пшикеу* и «первостепенных дворян», ограничение своеволия которых и выступает как основная социальная функция «княжеской ограды». Однако уже Ш.Б. Ногмов в своем труде дает несколько иную интерпретацию социального статуса *пшикеу*. Касаясь реформаторской деятельности великого князя *пщышхуэ* Кабарды Беслана Жанхотова (*Беслэн ПцІапцІэ*), исторического лица и знаменитого государственного деятеля, жившего в конце XV – первой трети XVI вв., Ш.Б. Ногмов пишет: «Он ввел между кабардинцами разные обряды и разделил народ по степеням узденей на пять классов: 1) *тлохотлешь*, 2) *дижинуго*, 3) *кодзь*, 3) *пшии-уорк* или *берсланорк*, 4) *уорк шаотлуг-гусса*. Общее же всем было название *уорк*. Крестьяне были разделены на четыре класса: 1) *пшикеу*, т.е. «княжеский», 2) *окго* или *тлаоксъшао*, т.е. крепостной, 3) *длагунпить* или *дльхокотль*, т.е. «крестьянин», и 4) *унаут* или «дворовый человек» [Ногмов 1994: 125]. Разбор нюансов правового и статусного положения различных категорий привилегированных (военно-служилых) и непривилегированных или зависимых сословий в интерпретации Хан-Гирея и Ш.Б. Ногмова не входят в нашу задачу. Однако разночтения у двух столь уважаемых авторов, природных черкесов, прекрасно знакомых с реалиями современного им адыгского общества, в интерпретации сословного статуса *пшикеу* обращает на себя внимание. Справедливости ради стоит упомянуть, что в Приложениях к «Истории адыгейского народа» Ш.Б. Ногмов в «Постановлениях о сословиях в Кабарде» практически дословно дублирует версию Хан-Гирея в интерпретации сословного статуса *пшикеу* в Кабарде: «Степенные узденья, т.е. личные княжеские уздени, называемые *пшекау*» [Ногмов 1994: 152]. Возможно, в данном случае и Хан-Гирей и Ш.Б. Ногмов пользовались одним и тем же источником, в котором произошла контаминация двух различных категорий незнатного служилого дворянства – *пщыжь-уэркъ* или *беслэн-уэркъ* т.е. личных княжеских вассалов и собственно *пщыкІэу*. Во всяком случае и Хан-Гирей и «Постановление о сословиях в Кабарде» из Приложения Ш.Б. Ногмова не выделяют отдельно категорию личных княжеских дворян (*пщыжь-уэркъ* или *беслэн-уэркъ*), которая хорошо известна по более поздним подробным источникам XIX в., составленным с целью изучения прав привилегированных сословий Кабарды, и никогда не смешивалась ни с потомственной аристократией (*тлекотлеи/лІэкъуэлІэи*, *дижинуго/дыжьыныгъуэ*), ни с другой категорией незнатного служилого дворянства (*уоркшаотлугусы/уэркъ щауэлІыгъусэ*) [Ногмов 1994: 152; Сборник документов Т. 1. 2003: 28–29, 92–94]. Прямым свидетельством в пользу подобного предположения является оценка этим источником социального статуса *пшикеу* (согласно «Постановления о сословиях в Кабарде» якобы «степенных» личных княжеских узденей), как более низкого по отношению к *уоркшаотлугусам* – личным дворянам знатных княжеских вассалов [Ногмов 1994: 152]. А прямое описание этим источником социальных функций и привилегий *пшикеу*, не оставляет сомнений, в том, что речь идет не о личных княжеских дворянах, а именно об особой категории княжеских прислужников:

«Узденья пшекау, то есть княжеские, исполняют все приказания князя (они не вроде холопов, но и не равняются узденям); они находятся безотлучно при князе и исправляют его домашнюю работу, смотрят за порядком в его доме и охраняют его, а князь защищает их от всяких несправедливых обид, по обычаю вступаясь за них, наказывает виновных, народ же терпеливо сносит присуждаемые от князя наказания и не может ничему противиться, ибо не разбирает, право или не право поступает князь, – на то есть его воля. Если с кем-нибудь уздень пшекау будет ссориться и в споре убьет противника, то князь вступается за это, и в случае, если убийца не удовлетворит родственников убитого по обычаям, князь ищет мщения кровь за кровь убийством, сверх этого взыскивает с виновного за одного убитого три семьи, в каждой по девяти душ, из коих отдает два семейства ближним родственникам убитого, а третье берет себе. В случае же, если у убийцы нет девяти душ, все семейство и имущество его подвергается ограблению и продается по разным местам» [Ногмов 1994: 153].

Как мы видим, текст «Постановления о сословиях в Кабарде» содержит целый ряд неточностей и прямых смысловых ошибок, очевидно вызванных искажениями при переводе на русский язык обычно-правовых норм, хранившихся и предававшихся в форме устного предания. Однако более поздние записи обычного права кабардинцев, определяющего статус сословия *пшикеу*, проясняют эти неточности и логические неувязки. Эти тексты сохранились в нескольких редакциях, которые расходясь в деталях, идентичны в главном. Так, например в «Очерке сословного строя в горских обществах Терской и Кубанской областей» А. Абрамовича *пшикеу* упоминаются в числе различных категорий зависимых, непривилегированных сословий *пшитль* (досл. «княжий человек»): «Пшикеу («княжеская ограда»). Сословие это образовалось из вольноотпущенников (азет). Пшикеу обязаны были исполнять волю князей, находясь у них в полном подчинении, за что со стороны князей пользовались собственным их покровительством, простиравшимся до того, что в случае убийства кого-нибудь пшикеу кровомщение, как бы за своего родственника, брал на себя тот князь, у которого состоял на службе убитый. Причем большая часть кровной платы поступала в пользу мстившего князя. Звание пшикеу наследственное и *во время самовластия кабардинских князей было весьма выгодно* (курсив наш – К.З.), потому что лица этого сословия, всегда приводившее в исполнение волю князей, имели влияние в среде простолюдинов и нередко были ими щедро одаряемы. В настоящее время (т.е. в начале второй половины XIX в. – К.З.) сословие *пшикеу*, хотя и не смешивается с азатами, но в народе не имеет ни малейшего значения» [Сборник документов ... Т. 1: 30–31]. В записях древних обычно-правовых норм кабардинцев Ф.И. Леонтовича происхождение и правовой статус сословия *пшикеу* определяется почти идентично: «Узденья пшикеу, т.е. княжеские исполняют все то, что князь прикажет. Они не суть холопья, но и не равняются с настоящими узденями; они служат князю ежедневно и безотлучно, наблюдая домашний порядок, унимая, по приказанию князя, всякие невежества и дерзости, наблюдая чтобы все были послушны. Князь по обряду защищает их от всяких несправедливых обид, вступается за них, взыскивает с обидчиков. Народ обязан сносить терпеливо все, что князь сделает правильно или неправильно, и не может выходить из повиновения. Если взыскание будет неправильно, то за это отвечает сам князь, а не уздень пшекау» [Леонтович 1883: 231]. Для нас принципиально, что устное предание определяет время появления сословия *пшикеу* как минимум началом или первой третью XVI в. т.е. периодом правления и кодификаторской деятельности пщышхуэ Беслана Жанхотова. И весь период «самовластия кабардинских князей», т.е. во времена независимости Кабарды, *пшикеу* играли заметную роль в государственно-политической организации феодального черкесского общества. Они фактически выполняли функции княжеских телохранителей («княжеская ограда»), а также полицейских сил, обеспечивавших общественный

порядок и беспрекословное выполнение всех княжеских распоряжений, судебных решений и т.д. Очень высокая пеня за кровь убитого на службе *пшикеу* – три семьи или 27 душ, вместе с гарантией княжеского покровительства и заступничества, иллюстрируют высокую значимость общественных функций этой сословной категории в глазах представителей высшей политической власти да и всего политического класса пши-урков. Очевидно, мотив обуздания своеволия родовитой аристократии в интересах гармонизации социальных отношений также осознавался обществом. И *пшикеу*, наряду с личными княжескими уорками – *пшишь* или *беслан уорк*, были наиболее доступной военной силой постоянной готовности, способной поддержать высшие позиции князей – *пши* в феодальной иерархии, а также надежно обеспечить лояльность родовитых дворян (*тлекотлеи*, *дижинуго*), которые имели собственных вассалов (*уорк шаотлугусы*), крупные земельные владения и зависимых крестьян. Видимо этим объясняется контаминация двух различных по статусу категорий личных княжеских вассалов и простых служителей в некоторых упомянутых нами письменных источниках [Хан-Гирей 1978: 120; Ногмов 1994: 152].

Уже в XIX в., с окончанием независимого существования Кабарды и постепенным уменьшением властных полномочий ее высшей политической элиты на фоне усиления колониальной администрации, правовой статус *пшикеу* подвергся значительной трансформации. По данным русских источников середины XIX в. *пшикеу* потеряли свои специфические функции и практически слились в имущественном и правовом положении с общей массой незнатного служилого дворянства: «Малочисленный класс этот хотя потерял свое прежнее значение, но вследствие своей зажиточности в глазах кабардинцев уважается и теперь наравне с беслан-уорками и уорк-шаотлугусами» [Думанов 1990: 144–145]. Однако мы можем судить о практике корпоративного функционирования сословия *пшикеу* по аналогии, на примере очень близкого, фактически идентичного им по происхождению, правовому статусу и функциям сословия в другой устойчивой, крупной и, самое главное, типологически сходной с княжествами феодальной Черкесии политики Западного Кавказа. Владетельное Абхазское княжество, вступившее под покровительство Российской империи в 1810 г. и просуществовавшее вплоть до окончания Кавказской войны со своим автономным государственно-политическим строем, не подвергавшимся резкой трансформации со стороны колониальной администрации, сохранило традиционные правовые практики и ролевые функции в них основных сословных групп населения. Абхазское общество имело ряд особенностей, заметно отличавших его от феодальной Кабарды. Например, две трети населения Абхазии даже в начале XIX в. составляли лично свободные крестьяне *анхае/анхаю*, в то время как в Кабарде архаически свободное крестьянство исчезло как класс очень рано [Очерки устройства ... 1870: 6–7; Думанов 1990: 147–184; Кажаров 1994: 194–197]. Однако среди многочисленных сословий Абхазии выделялась особая категория населения, чье социальное происхождение и правовой статус типологически идентичен черкесским *пшикеу*: «Ашнакума – собственно телохранители владетеля (т.е. владетельного князя, фактически монарха (*аха*) Абхазии – К.З.), который один их может иметь, пользуются правами дворян, могут иметь крестьян, рабов и обладать землею. Вместо подати они обязаны находиться при владетеле во время его поездок и служить ему на посылках. Состояние это составилось частью из крестьян владетеля абхазцев, получивших за оказанные ими услуги разные льготы, частью из выходцев черкес или других горцев» [РГВИА. Ф. 482. Д. 57. Л. 9]. *Ашнакума*, как и *пшикеу*, выступали промежуточной категорией населения между собственно абхазским незнатным служилым дворянством – *амыста* и массой крестьянского населения – *анхаю*: «К покровительствуемому элементу населения принадлежат *шинагмы* (т.е. ашнакума – К.З.), стоящие в ряду туземных сословий выше *анхае* и образующие по своим отношениям класс

почти тождественный с этим последним. *Многие ашнагамы заявляют о большей близости своей к сословию амиста, чем к сословию анхае* (курсив наш – К.З.)» [Очерки устройства ... 1870: 7]. То есть, если происхождение роднило *ашнакума* с крестьянской массой, то по своим социальным функциям они претендовали на сближение с военно-служилым сословием Абхазии. Несмотря на то, что многие источники акцентирует внимание на то, что *ашнакума* как отдельное сословие были связаны исключительно с личностью абхазского владетеля, З.В. Анчабадзе полагал, что они были и у других знатных феодалов: «От анхаю происходили т.н. *ашнакума* – самая привилегированная прослойка крестьян, которые получали от удельного князя в собственность участок земли и выполняли при его дворе почетные (иногда «дворянские») обязанности» [Анчабадзе Т. 2. 2011: 278]. Автор не уточняет какие это были обязанности. Но благодаря мемуарным запискам Ф.Ф. Торнау, в середине 30-х годов XIX в. посещавшему Абхазию и хорошо ориентировавшемуся в особенностях ее внутривластной жизни, до нас дошли весьма характерные эпизоды реального функционирования *ашнакума* в абхазском социуме в качестве крупной корпорации, связанной по преимуществу с высшей политической властью владетеля и призванной поддерживать правовой порядок в княжестве. В начале 30-х годов XIX в. обострились отношения между владетелем Абхазии Михаилом Шервашидзе и Цебельдой – полуавтономным горным обществом в верховьях Кодора, жители которого совершили несколько грабительских набегов на территорию княжества. Конфликт был улажен в ходе переговоров: «Дней через пять все было приведено в порядок, сколько позволяли обстоятельства и нравы переговаривавшихся: цебельдинцы дали обещание не вторгаться в Абхазию взамен чего Михаил обязался не нападать на них и не обижать тех из них, которые станут приходить в его владения без дурных намерений. Лишь одна частная вражда между каким-то цебельдинским семейством и владетельскими телохранителями осталась нерешенною потому, что первые упирались на право кровомщения, а вторые – на свою полицейскую обязанность задерживать и даже убивать воров и разбойников (курсив наш – К.З.); сам же Михаил весьма основательно не считал возможным сделать в этом случае уступки» [Секретная миссия ... 1999: 96]. Полицейские функции *ашнакума*, очевидно, были одними из основных наряду с охраной личности владетеля. На этом аналогии правового статуса *ашнакума* с *пишкеу* не заканчиваются. Хотя Ф.Ф. Торнау не говорит этого прямо, но из описания последовавших затем событий следует, что цебельдинское семейство, потерявшее в конфликте кого-то из своих родственников, рассматривало в качестве кровников не только всю корпорацию владетельских телохранителей, но и самого Михаила, который *по своему статусу нес правовую ответственность за действия ашнакума*: «Вслед за тем Михаил пересел на другую лошадь, переменял башлык и приказал одному из своих людей дать и мне башлык другого цвета, прося меня настоятельно держаться как можно ближе к нему. Все эти предосторожности объяснялись известием, доставленным ему догнавшим нас человеком, будто *цебельдинцы, имеющие против него канлу (так называют в горах обычай кровомщения) из-за его телохранителей, намерены убить его* (выделено нами – К.З), пользуясь темнотою и дурным временем, чрезвычайно облегчавшим подобного рода предприятия» [Секретная миссия ... 1999: 97]. Михаил Шервашидзе в результате уцелел, но цебельдинцам удалось воспользовавшись плохой погодой, ограничивавшей видимость, ночью убить двух человек из свиты владетеля [Секретная миссия ... 1999: 100].

Кроме полицейских функций и роли телохранителей, *ашнакума* по-видимому играли роль войска постоянной готовности. Их численность в общей массе населения Абхазии в конце 60-х гг. XIX в. составляла чуть менее 3% или 1800 человек из 65600 [Очерк устройства ... 1870: 6–7]. Численность абхазского дворянства была относительно невелика – около 4000 или 6% населения, а *ашнакума*, как

многочисленная и сплоченная корпорация, связанная, в первую очередь, с личностью владетеля, была способна выставить внушительную военную силу (до 400 всадников), на которую мог опираться абхазский *аха* [Очерк устройства ... 1870: 7]. К сожалению, определить численность *пшикеу* в общей массе населения Кабарды не представляется возможным. Они никогда не выделяются источниками как отдельная корпорация. В письменных источниках XVII–XVIII вв. военно-служилый класс населения Кабарды упоминается как правило без разделения на различные страты [КРО. Т. 1. 1957: 384–385; КРО. Т. 2. 1957: 369]. А с конца XVIII – нач. XIX в., когда стали появляться первые подробные переписи уоркского населения Кабарды, составители для обозначения всей массы родовитого потомственного и незнатного служилого дворянства очень часто стали пользоваться чуждой черкесской традиции систематизацией по степеням – первой, второй, третьей и т.д., что мешает надежно идентифицировать различные категории, в первую очередь, незнатного служилого дворянства [Сборник документов ... Т. II. 2003: 7–144]. Однако определение *пшикеу* источниками середины XIX в. как «малочисленного класса», на наш взгляд, объяснимо скорее относительной его малочисленностью по отношению к общей массе *пшии-уорков*, которые составляли до 20% населения Кабарды [Материалы Я.М. Шарданова ... 1986; Думанов 1990: 31–35]. В период независимости Кабарды они должны были составлять заметную долю военно-служилого класса, иначе надежное и эффективное выполнение ими полицейских функций, а также функции телохранителей («княжеской ограда»), было бы просто невозможно.

Таким образом, можно отметить любопытные параллели формирования социальной структуры политий Западного Кавказа, находящихся на крайних географических полюсах этнокультурного ареала. Черкесское сословие *пшикеу* и абхазское сословие *ашнакума* практически идентичны по целому ряду параметров. Во-первых, по социальному происхождению. Они рекрутировались из непривилегированных, зависимых сословий, отделяясь от них, но не сливаясь с основной массой незнатного служилого дворянства. Хотя с последними их сближали имущественное положение и несение отчасти «дворянских» обязанностей. Появление *пшикеу* как отдельной категории населения черкесские предания связывают с деятельностью Беслана Жанхотова (*Беслэн ПцІапцІэ*) и складыванием традиционной социальной структуры княжеств феодальной Черкесии, т.е. периодом не позднее первой трети XVI в. Время возникновения *ашнакума* в Абхазии источники не определяют конкретно за давностью этой традиции, однако ее корни очевидно уходят, как минимум, в эпоху становления на обломках средневековой грузинской монархии владетельного Абхазского княжества, т.е. не позднее XVI в. Во-вторых, основными социальными функциями и *пшикеу* и *ашнакума* были функции княжеских телохранителей («княжеская ограда»), а также полицейские функции. Последние были очевидно направлены не только против непривилегированных сословий, которые, особенно в Кабарде, были в значительной степени социально угнетены, но и против своеволия привилегированного политического класса *пшии-уорков* в Кабарде, князей-*тавадов* и дворян-*амиста* в Абхазии. Существенным различием не столько в социально-правовом статусе, сколько в потенциальных возможностях выступать влиятельной военной корпорацией во внутривнутриполитических конфликтах, было то, что *ашнакума* по преимуществу были консолидированы под властью абхазского монарха, а в количественном отношении были сопоставимы с абхазским мелким дворянством. *Пшикеу* же, составляя незначительное меньшинство среди массы черкесского незнатного служилого дворянства и будучи распылены между всеми феодальными уделами Кабарды, фактически не имели никакого самостоятельного военного, боевого значения.

Источники и литература

1. РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 482. Д. 57.
2. АБКИЕА – Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974.
3. *Анчабадзе З.В.* Избранные труды. В 2-х томах. Сухум, 2011.
4. *Главани Ксаверий.* Описание Черкесии // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв., – АБКИЕА. Нальчик, 1974.
5. *Думанов Х.М.* Социальная структура кабардинцев в нормах адата: первая половина XIX в. Нальчик, 1990.
6. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. М., 1957.
7. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX века. Нальчик, 1994.
8. *Кланрот Г.-Ю.* Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв., – АБКИЕА. Нальчик, 1974.
9. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Вып. 2. Одесса, 1883.
10. Материалы Я.М. Шарданова по обычному праву кабардинцев первой половины XIX века / сост. Х.М. Думанов. Нальчик, 1986.
11. *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик, 1994.
12. Очерки устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 3. Тифлис, 1870.
13. *Паллас П.С.* Заметки о путешествиях в Южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв., – АБКИЕА. Нальчик, 1974.
14. *Султан Хан-Гирей.* Избранные труды и документы. Майкоп, 2009.
15. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999.
16. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 1978.
17. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа 1793–1897 гг. В 2-х томах. Нальчик, 2003.

PARALLELS IN THE SOCIAL STRUCTURE OF POLITIES IN THE WESTERN CAUCASUS ON THE EXAMPLE OF SOSLOVI PSHIKEU AND ASHNAKUM

Kozhev Zaurbek Anzorovich, Candidate of History, Head. Sector of Medieval and Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), zaurbek_k@mail.ru

The social system and the peculiarities of the estate structure of the state-political formations of the Western Caucasus make it possible to classify them as feudal societies at different levels of development. The lack of act material does not allow us to confidently reconstruct the dynamics of the development of the main political institutions, the estate system of even the largest and most stable polities of the Western Caucasus, which include Kabarda and the Abkhaz sovereign principality. Later assembly materials of the 19th century. and the data of written sources are not representative for the period of the Late Middle Ages and the early modern times (XVI–XVII centuries) because belong to the era of a large-scale socio-political crisis and a significant transformation of the traditional political system and class system of the Circassian feudal society caused by the Caucasian War and the colonial policy of the imperial government in the region. The exception is the Abkhaz sovereign principality, which, until its liquidation, retained all the features of the traditional political system and the estate system under the auspices of the Russian Empire. Parallels in the social structure of such typologically similar, ethnoculturally close polities such as Kabarda and the Abkhaz sovereign principality, allow, using the method of comparative analysis and Abkhazian data of the 19th century, to consider some of the features of the implementation of the traditional socio-political functions of the Pshikeu estate / ashnakuma.

Keywords: political system, Kabarda, privileged estates, Abkhaziya, pshikeu, ashnakum

DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-23-29